

ЕГО ТВОРЧЕСТВО ПИТАЛА РОДИНА

ведь этой школы было — «Пение на рояле». Этой глинкавской заповеди следовали Чайковский, Мусоргский, братья Рубинштейны. Оставался верен ей и Сергей Рахманинов.

Пианистическое мастерство Рахманинова было несравненным. Его игра напоминала фресковую живопись. Могушая аккордовая техника, львиная хватка его больших и мягких рук, монументальная лепка образов, удивительнейшее туше, кованные динамичные ритмы, глубина исполнительских замыслов — все это захватывало, безраздельно покоряло всех, кто слышал Рахманинова-пианиста. «Я предсказываю ему великую будущность», — говорил Петр Ильич Чайковский. Петр Ильич присутствовал на премьере первой рахманиновской оперы «Алеко» (по «Цыганам» Пушкина, либретто написал Владимир Иванович Немирович-Данченко). Опера показала, по словам Петра Ильича, ему «предвещая». Одобренное Чайковского, первые творческие успехи воодушевили молодого автора. В начале своей композиторской деятельности Рахманинов написал произведения, получившие сразу всеобщее признание, — такие, как «Полишинель», «cis moll'ная прелюдия, романсы «В молчании ночи», «Не пой, красавица», «Островок», «Весенние воды», симфоническая фантазия «Утес». Памяти Чайковского Рахманинов посвятил элегическое трио. Композитор здесь последовал примеру самого Чайковского, который в свое время, после смерти Николая Рубинштейна, написал трио «Памяти великого артиста». Впервые в том же 1893 году Рахманинов взял в руки дирижерскую палочку (на премьере «Алеко» в киевском театре).

И все же Рахманинов по его собственному признанию, никогда не мог решить, каково его подлинное призвание: композитор, пианист или дирижер. Надо сказать, что на самом деле исполнительство и творчество не мешали друг другу, но существовали в полной гармонии и скорее даже друг другу помогали. Только пианист такого масштаба мог сочинить Вторую, Третью, Четвертую фортепьянные концерты — эти по существу целые симфонии для рояля и оркестра. С другой стороны, только яркая композиторская индивидуальность, замечательная музыкальная фантазия Рахманинова могли родить образы его прелюдий, этюдов-картин, из которых многие имеют литературную программу: «Сцена на ярмарке», «Красная Шапочка и Волк» и т. д. Рахманинов про-

должал традиции русской реалистической школы — традиции эти восходили одновременно и к Чайковскому, и к композиторам «Могушей кучки». Однако есть еще один источник непосредственного влияния, ощутимый в музыке Рахманинова. Это — стихия русской народной песенности. Лирический пафос всего творчества Рахманинова — его романсов или, скажем, Третьего фортепьянного концерта (1-я тема!) — идет из глубин русского фольклора. Он рожден и русской природой (тихие «левитановские» пейзажи в музыке Рахманинова: «как хорошо он слышит тишину», — говорил Горький), но главное — страстной любовью к человеку. А без этого не бывает русского композитора!

С создания Второго фортепьянного концерта начинается период расцвета рахманиновского творчества (фортепьянные концерты, цикл романсов опус 38, «Колокола», Вторая симфония и многие другие). Огромные успехи делает Рахманинов как пианист. Полтора года он работает в качестве дирижера в Большом театре. В России были созданы лучшие сочинения Рахманинова. А за четверть века жизни в Америке было написано сравнительно меньше — Третья симфония, Симфонические танцы, рэквием «Паганини», «Три русские песни» для хора и оркестра. Четвертый фортепьянный концерт был начат еще в Москве. «Уехав из России, — сознавался Рахманинов, — я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить...»

СРЕДИ многочисленных записей игры Рахманинова, оставшихся после его смерти, есть одна, совсем небольшая, которую нельзя слушать без особого, глубокого волнения. Он играет даже не свое сочинение. Я имею в виду рахманиновское исполнение одной из пьес Чайковского — из «Времен года» — Ноябрь — «На тройке». Рахманинов играет музыку Чайковского как свою, как будто это он сам сочинил пьесу «На тройке». И если бы мы решительно ничего не знали, как жил, что переживал за границей Рахманинов, пластинка с записью «На тройке» поведала бы нам всю правду. В пьесу Чайковского Рахманинов, кажется, вложил всю безумную свою тоску по родине, весь ужас одиночества, именно одиночества, несмотря на всемирную славу, успехи, бесчисленные концертные туры и т. д. Для Рахманинова «На тройке» оказалась пьесой дорогих воспоминаний о родине, о невозвратном прошлом.

Сочинения самого Рахманинова, написанные за последние четверть века его жизни, — тоже, как и «На тройке», были по существу рождены «памятью сердца», любовью к покинутой родине. Отсюда горький трагизм этой музыки, тема смерти — мрачный мотив «Dies irae», пронизывающий многие ее страницы. Но и на чужбине он, по его словам, оставался русским композитором, пишущим русскую музыку. «Музыкальное будущее России безгранично», — говорил он.

Советские музыканты чтут Рахманинова как «внука» великих корифеев русской музыкальной классики, одного из любимейших композиторов в нашей стране.

Дмитрий ШОСТАКОВИЧ.

17